

На пути к мечте ¹³

Самсё, Копенгаген, Берлин,
Бамберг, Флоренция

Красивая пышноволодая женщина в элегантной шляпке. Она пристально вглядывается в себя и в окружающий мир. Такой предстает нам Сигрид Унсет в купе поезда, мчащегося мимо «излизанных прибоем берегов», где «с подветренной стороны галечных наносов» она столько раз искала убежища. Поезд везет ее прочь из проникновенно описанной ею любимой Дании⁵. Здесь, в Калуннборге, стоял дедовский дом, который она любила не меньше, чем сам приморский городок: «Я люблю тихий городок, и дедушкин особняк с длинным фасадом, прячущийся в тени величественных лип, и маленькую площадь напротив, где сквозь камни мостовой пробивается трава»⁶.

И дело было не только в позолоченных временах воспоминаниях детства — здесь она научилась быть женщиной. Здесь она поняла, как мало общего мимолетная влюбленность имеет с настоящей любовью, и главное — что привязанность совсем не то же самое, что страсть. Здесь она слушала датские народные баллады, и их героини оживали перед ней. А в балладах говорилось о любви — страстной, всеобъемлющей и навязчивой, почти как

безумие. Тогда маленькая Сигрид рисовала и вырезала из картона фигурки средневековых персонажей.

Сейчас она только что сказала последнее прости любимому человеку. Вот и закончилось лето, чье дыхание она впервые ощутила на борту корабля по пути к курортному острову Самсё и буквально опьянела — от морского бриза, блеска волн, от вида белеющих вдалеке дюн. Но все оказалось не так, как ей мечталось. В конце июня 1909 года Унсет, прихватив с собой неоконченную рукопись, поселилась в пансионате А. Сюллинга. Номер был заказан на несколько недель. Это лето она хотела прожить по-настоящему. Так она решила, когда в конце мая бросила свою секретарскую работу. Помимо желания писать с творческим отпуском связывались и надежды иного рода — у Сигрид был в Копенгагене поклонник по имени Виктор⁷. На острове проходили их тайные встречи под открытым небом. Он был женат и вдвое старше ее, но зато нежен и заботлив и, в отличие от большинства ее ровесников, не нагонял на Сигрид скуки. Поначалу ей казалось, что «ничто в мире не может быть прекраснее, нежнее и утонченнее», чем ее чувства к Виктору. Но ни дюны, ни излизанные прибоем берега не могли сделать отношения такими, как ей хотелось. Разочарованная, она распрощалась и с мужчиной, и с мечтами.

Здесь же, в Дании, четыре года назад она впервые осмелилась заявить о себе как о писателе. В течение многих лет она коротала ночи за написанием книги «Оге, сын Нильса из Ульвхольма» в надежде, что исторический роман о Дании XIII века поможет ей избавиться от необходимости работать в конторе. Сигрид мечтала целиком посвятить себя литературе и жить как свободный художник. И вот в один прекрасный день она надела свое лучшее платье и, собравшись с духом, понесла толстую рукопись самому Петеру Нансену, директору датского отделения издательства «Гюльдендал». Он принял Унсет очень любезно, но, как ей показалось, посчитал моложе ее двадцати трех лет. Когда он зажег сигарету, то сказал: «Вам не предлагаю, ваша мама наверняка запрещает вам курить»⁸.

Сигрид вернулась в Кристианию*, где ее ждало очередное лето, заполненное нескончаемой конторской работой. Но ни-

* Кристиания (Христиания) — в 1624–1924 годах название столицы Норвегии Осло. — *Здесь и далее комментарии редактора и переводчиков.*

когда еще стенография не казалась ей таким бессмысленным занятием, как несколько недель спустя, когда из издательства пришло любезное письмо. Сестра Сигне, посвященная во все обстоятельства дела, получила подробный отчет. «Могу тебе сообщить, что Петер Нансен вернул мне рукопись, сопроводив ее письмом. Он не может рекомендовать ее к печати, для этого она недостаточно хороша. Тем не менее он признает за мной талант: „есть места, поражающие силой и тонкостью описания“, однако композиционно текст оставляет впечатление рыхлого и незаконченного, так что временами, по его мнению, „Оге“ просто разваливается. Кое с чем я могу согласиться, но далеко не со всем», — писала Унсет сестре⁹.

Да, это был отказ, но в то же время и похвала. Нансен, вне всякого сомнения, принял молодую секретаршу всерьез. «Под конец он выразил пожелание, чтобы я опробовала себя на уровне современности и избегала переодевания, то есть исторической формы. В общем, это было очень милое письмо, но, к сожалению, меня оно не очень порадовало. Как бы то ни было, я готова сделать еще одну попытку, хоть и без прежнего энтузиазма. Теперь-то я вижу, какое это непростое дело»¹⁰.

Сигрид осознала, что ей придется нелегко, но отказ не сломил ее. Как ей казалось, Петер Нансен не вполне понял книгу и поэтому нуждался в разъяснениях. В письме, помимо нескрываемого разочарования, слышится и гордость, и упорство: «Не могла устоять перед искушением объяснить с Вами», — заключает она, а потом с головой окунается в работу над «современной темой». Через год рукопись, озаглавленная «Фру Марта Оули», закончена. На этот раз Унсет обратилась в издательство «Аскехауг». И здесь писательница поначалу получила отказ, однако после заступничества влиятельного писателя в 1907 году книга наконец увидела свет. Она была обречена на успех. Чего стоило одно только первое предложение: «Я была неверна своему мужу»*. Оно звучало как пощечина общественному вкусу. Год спустя Унсет издала сборник рассказов под ироническим заголовком «Счастливый возраст» — и опять успех. «Сага о Вигдис и Вига-Льоте», которую она готовилась отдать в печать, долж-

* Унсет С. Фру Марта Оули. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 25.

на была стать своего рода пощечиной — или последним «прости» — Петеру Нансену. Писательница хотела доказать ему, что он ошибся: она вполне способна справиться с исторической тематикой.

Мсть и сведение прошлых счетов занимали важное место в мыслях Сигрид Унсет. Мотив отмщения представлял для нее не меньший интерес, чем мотив страсти. Мсть, считала она, может быть столь же требовательной и всепоглощающей, как и самая страстная любовь. В основе сюжетной линии отвергнутого романа была запоздавшая, но безжалостная в своей неотвратимости мсть. Еще более страшная отсроченная мсть стала главной темой ее нового романа о Средневековье, что готовился к печати. Корректуру должны были выслать в дорогу.

Копенгагенский поезд несся на юг, а в душе молодой женщины печаль от былых поражений боролась с радостью при мысли о новой книге, что вот-вот увидит свет. Вдвойне приятно было, что удалось так ловко отомстить Нансену. Но как перестать думать о своей собственной ошибке, подняться с колен и продолжать путь с гордо поднятой головой, как вернуть веру в любовь? «Ты знаешь, не в моем обычае переоценивать чувства, которые я вызываю у мужчин. Кем-кем, а уж легковерной меня не назовешь, так что вряд ли стоит ожидать повторения истории», — писала она сестре Сигне¹¹ и признавалась, что для нее все свелось к поцелуям украдкой и бессонным ночам. В столице они могли встречаться только тайком и очень ненадолго — чтобы не узнала жена Виктора. Теперь Сигрид ясно осознавала, что ее сумасшедшее летнее счастье на Самсё было только самообманом. Все, что казалось ей таким прекрасным и утонченным, предстало в совершенно ином свете. Она не главная в его жизни. И пусть он продолжал нежно любить ее — ей было все труднее отвечать на его чувства. То, что Виктор и сам несчастен, для нее ничего не меняло, как и то, что он побуждал ее писать, — даже там, во время их прогулок на Самсё.

Она начала было сожалеть о случившемся, потом, спохватившись, раскаялась и в сожалениях. «Когда мы расстались друг с другом, нам не в чем было раскаиваться», — писала она Сигне в новом письме¹², более всего раскаиваясь, вероятно, в том, что вообще поведала об этом сестре. «Я, естественно, сожалею, что рассказала тебе о моей глупости», — признавалась Сигрид. Однако настаивала: хотя сейчас ей очень больно и горько, об их отно-

шениях с Виктором у нее осталась «самая добрая память». Это, утверждала она, гораздо лучше, чем «ничего не пережить».

Поезд уносил ее все дальше от города, свидетеля ее поражения, а она без особых надежд размышляла о возможности встретить в новых местах новую любовь. Вряд ли ей удастся «влюбиться опять так быстро — пройдет немало времени, пока все это забудется, но стоит только снова приняться за работу, и мне обязательно полегчает»¹³.

Сигрид хотела двигаться вперед. Расти и как художник, и как личность. Но откуда у нее такая уверенность в оправданности ее желания посвятить жизнь искусству? После того как она жестоко ошиблась, приняв за любовь совсем не то? Первой остановкой — в самом начале долгого путешествия — стал Фредриксверк на севере острова Зеландия, где Унсет посетила старшего коллегу Нильса Коллетта Фогта. Фогт встретил ее радушно, но с некоторой тревогой. Ранее он прислал ей отклик на «Счастливый возраст» — там писательница высказывалась от лица разочарованного поколения. Увидев, какой подавленной она выглядит, Фогт еще больше забеспокоился. Как мог, он старался поднять ей настроение. Читал свои стихи, вытягивал из нее истории, пытался пробудить творческий пыл. Он ничего не знал о личных проблемах Сигрид, но чувствовал, как она нуждается в поддержке опытного коллеги — особенно теперь, когда перед ней открываются новые горизонты.

На протяжении двух лет, что прошли с ее дебюта, Нильс Коллетт Фогт оставался преданным другом Унсет, все время поддерживая и подбадривая ее. Вот и теперь он взял с нее обещание, что она не откажется от своих планов — и относительно путешествия, и относительно писательской карьеры. Он был слишком тактичен для прямых расспросов, но, видимо, интуитивно почувствовал, что она совершила серьезную ошибку, поколебавшую ее уверенность в себе, что ее мучает одиночество, верный спутник несчастной любви, что она так и не нашла бескомпромиссной страсти, к которой так стремилась. Друг постарался сделать все, чтобы только вернуть ей волю к жизни.

И она продолжила свой путь.

Сигрид Унсет решила на это путешествие, потому что хотела изменить свою жизнь. Ей было необходимо вырваться на сво-

боду, отказаться от спутывавшей ее по рукам и ногам работы в конторе и материальной ответственности за мать и сестер. Она ощущала сильный внутренний порыв стать новым человеком, освободиться от собственных и чужих представлений о том, какой должна быть Сигрид Унсет как писательница и как молодая женщина. Ее слова недвусмысленно свидетельствуют о стремлении к переменам: «В путешествии человек не только коллекционирует новые впечатления, но и сам обновляется, — во всяком случае, должен. Путешествуя по старым добрым романтическим краям, знакомым с детства по картинам, я счищала с себя старые впечатления слой за слоем, и глаза молодежи и жадно вбирали в себя все, а фантазия вновь оживала, как в те времена, когда, еще всеядная, она с аппетитом питалась как хорошими, так и негодными приключенческими книжками, картинами, Ингеманном и романами о графинях из приложения к „Семейному журналу“»¹⁴.

Рукопись, которую Сигрид взяла с собой, повествовала о временах, которые она так хорошо знала, — о раннем Средневековье. Действие происходило в X веке, когда христианство еще только пришло в Норвегию. «Я только что закончила книгу о периоде правления Улава Трюгвасона. Сколько себя помню, мои мысли и фантазии постоянно вращались вокруг этого времени, пока мне не начало казаться, что я знаю о той жизни все»¹⁵. С одной стороны, Унсет была уверена, что понимает эпоху и людей, которые жили тогда. С другой — эпоха давала писательнице большую творческую свободу, ведь исторических фактов было известно не так уж много. В качестве источников Унсет использовала прежде всего исландские саги, а уж их она знала назубок. Сюжет она почерпнула из народных баллад — это была история влюбленных, которые могли соединиться только в смерти. Имена обоих восходили к старинному слову «*vig*», означавшему «убийство», — Вига-Льот и Вигдис¹⁶. Еще в одиннадцать лет Сигрид прочитала «Сагу о Ньяле», и с тех пор эта эпоха покорила ее. Суровая и безыскусная, как сама жизнь. Безжалостная и роковая, загадочная и прекрасная. Здесь люди представляли без прикрас, со всеми своими порывами и заблуждениями, здесь каждый поступок влек за собой неумолимые последствия и никто не пытался уйти от судьбы. Средневековье занимало Сигрид с детства. По ее мнению, исландские саги запечатлели неизменность человеческой

натуры. Динамичный сюжет и простой, энергичный язык сак заграгивали потайные струнки в душе Сигрид. Для нее саги были не далеким прошлым, а самым что ни на есть настоящим¹⁷. Именно это она хотела доказать Петеру Нансену. Он предостерегал ее против «переодевания», но она и не пыталась изображать современных людей в костюмах их предков. Напротив, Унсет стремилась показать вечное в человеческой душе, каким оно представало в эпоху Средневековья.

Прежде Сигрид с нетерпением ожидала часа, когда «свободная, как ветер», она отправится на юг, ей хотелось путешествовать «весело и беззаботно, не обремененной даже багажом»¹⁸. Как же все изменилось с тех пор! Вот уже более десяти лет Сигрид Унсет поверяла все свои тайны подруге по переписке из Швеции Дее. Дее лучше всех было известно, насколько тяжело Сигрид дался разрыв с любимым. Всего дважды подруги встречались лично, в последний раз — когда Сигрид остановилась в Мальмё на пути в Данию, откуда потом направилась в Германию и Италию. Как никто другой, Дея знала волевою и страстную натуру подруги и хорошо представляла себе, насколько сильным было ее желание творить. И если обычно Сигрид Унсет считали молчаливой и замкнутой, в письмах, что непрерывным потоком шли от нее к Дее, она открывалась совсем с другой стороны. Она делилась с подругой самыми заветными секретами. Дея с самого начала знала, что подруга мечтает о писательской карьере, ей поверялись сюжеты новых романов и воззрения Сигрид на любовь и мужчин. Она давно знала о планах Унсет отправиться в путешествие. Лучше всех представляла, что для Сигрид значит Флоренция, как высоко она ценит Боттичелли. Как было объяснить ей, именно ей, самой близкой подруге, что у Сигрид теперь нет ни сил, ни желания осматривать достопримечательности, которые она давно мечтала увидеть.

Можно сказать, что писательницу настигла ее же собственная тоска, от которой она пыталась убежать. Нильс Коллетт Фогт убедил Унсет продолжить поездку. Она сама выбрала жизнь — и путешествие. За эти тяжелые недели во Флоренции она не написала ни единого письма. Унсет погрузилась в себя. Только потом ей стало ясно, что в ее душе происходила своего рода метаморфоза. Ей было не до осмотра достопримечательностей.